

А.И. Филюшкин

Историческая память о борьбе за Прибалтику в XVI-XVII вв. в политической пропаганде Северной войны.

Общим местом многих работ ученых является то, что внимание Петра к истории царствования Грозного было вызвано тем, что Иван IV был его предшественником в борьбе за выход к Балтийскому морю¹. Эту параллель особенно развивали историки сталинского времени, напрямую сравнивавшие ливонскую политику Петра и Ивана IV². Она также нашла отражение и в некоторых западных работах³.

Однако в самих текстах петровского времени нам не удалось обнаружить этой идеи в сформулированном виде. То, что Петр I стремился к морю и видел в этом свою задачу, свидетельств довольно много. Но ни в одном случае не говорится, что до Петра это же пытался сделать Иван Грозный. Даже в более позднем, уже екатерининского времени сочинении М. Чулкова, посвященном, в том числе, истории русской морской торговли на Балтике, подчеркивается ее происхождение с древнейших времен и оживление при Петре, а эпоха Грозного вовсе не рассматривается как этап в борьбе за выход к морю⁴.

Единодушие современных историков по вопросу о том, считал ли Петр себя историческим преемником Ивана IV, возможно, следует объяснить своеобразной «обратной историографической связью»: историки нового и новейшего времени были убеждены, что и Иван Васильевич, и Петр Алексеевич добивались выхода к Балтийскому морю, следовательно, любое упоминание Грозного в памятниках, связанных с Петром, порождено интересом императора к своему предшественнику. На самом деле в русской исторической мысли дискурс о прорыве к Балтийскому морю был сформулирован довольно поздно, на рубеже XVIII – XIX вв. и, что характерно, по времени совпал с возникновением концепции Ливонской войны в работах М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина.

Какие же исторические образы использовались в политической пропаганде Северной войны? При Петре I была поставлена задача создания российской истории как определенного идеологического канона, однако при этом в центре внимания оказалась современная царю история Северной войны и строительства империи, а материал из прошлого России должен был играть сугубо вспомогательную, иллюстративную роль. То есть Петр занимался конструированием в сознании подданных преимущественно истории своего царствования (через систему праздников, придворный календарь и т.д.)⁵. К прошлому обращались с практической целью, особенно в дипломатической сфере — например, в конце 1696 г. были сняты копии с документов по сношениям с иностранными державами с 1580 г. до текущего делопроизводства, что составило 33 тома. Также подготавливались исторические справки о соседних державах, династиях монархов и т.д.⁶. Русская дипломатия XVIII в. интересовалась и договорами, связанными с прибалтийскими государствами — например, была сделана специальная копия II Виленского соглашения от 28 ноября 1561 г., причем перевод выполнен с использованием терминологии современной эпохи, напр., «кондиции», несвижский «принц Радзивилл». Зато переводчик не понял неактуального для XVIII в. «аугсбургского вероисповедания», заменив его на... «августинское»⁷.

Россия вела Северную войну (1700-21) за подчинение себе прибалтийских провинций Шведской империи — Ингенманландии, Лифляндии и Эстляндии, то есть за те же земли, что и в XVI в. Иван Грозный. В какой мере в петровской идеологии присутствовали апелляции к русским подвигам времен Ивана Грозного?

Надо сказать, что тоpos Ливонской войны звучал в памятниках петровской эпохи довольно неотчетливо. Речь скорее может идти об общем идеологическом фоне, будто бы Лифляндия и Эстляндия — исконные русские земли, за которые проливали кровь наши далекие предки. Прямые обращения к истории Ливонской войны встречаются редко, и, скорее, на уровне преданий или художественных образов. В царских указах о начале северной войны историческое обоснование просто отсутствует, исключая общие слова о «многих неправдах» шведского короля⁸.

Поскольку главным врагом России в Северной войне выступала именно Швеция, то идеологи Петра обращали внимание на ее приобретения в Прибалтике, а они в основном относились в XVII в. Поэтому время Ливонской войны оказывалось как бы в тени. Например, в «Объяснительном тексте к чертежу осады Нотебурга» конца 1702 г., составленном лично Петром, отмечено, что «через помощь Божию, отечественная крепость возвращена, которая была в неправедных неприятельских руках 92» (то есть потеряна в Смуту, в 1610, и возвращена спустя 92 года). В торжествах по случаю Ништадского мира в 1722 г. этап праздника. Связанный с освобождением Ингрии, был приурочен к 22 октября — празднику Казанской иконы Божьей Матери и избавления Москвы от поляков в 1612 г.⁹ Как мы видим, присутствует апелляция к Смутному времени, но не к эпохе Ивана Грозного.

В триумфальном шествии 1703 г., как отмечено Е. Погосян, наибольшим вниманием зрителей пользовались так называемые «оказы», то есть планы, объясняющие ход сражений и военных действий в целом. Особенно же «очи народа» привлекали «карты Ижерские, намалеванные со всеми взятыми городами на воротах, построенных от духовенства». К ним прилагалась объяснительная надпись, взятая из Библии: «Ниже чуждую землю прияхом, ниже чуждая одержажом, но наследие отец наших, от враг же наших в некое время неправедно удержася. Мы же время имуще възприяхом наследие отец наших» (1 Мак. 15: 33-34). Интересно, что в 1705-07 гг. прекращается создание триумфальных гравюр и описаний торжеств. Е. Погосян связывает это с перенесением военных действий за пределы тех территорий, которые Петр считал «отечественными»¹⁰.

В феврале 1705 г. была поставлена пьеса «Свобождение Ливонии и Ингерманландии, отчества Росска, древле чрез мужественна вождя Израилтескаго Моисеа во Израили преобразованное, ныне же силою вышняго чрез храброе воинство Российское во Отечествии своем истинно зримое, при благополучной державе... Петра Алексеевича». Текст данного произведения до нас не дошел, но сохранилось либретто¹¹. В начале постановки появляется Фортуна Хищения Неправедна со Львом прегордым (аллегория Швеции), которую поражает через орла Российского молниями Фортуна Ревности Отеческой. Главной идеей пьесы является проведение аналогии между судьбой израильтян в египетском плену и судьбой россиян. Под предводительством Моисея израильтяне через многие лишения и угрозы пришли в землю обетованную и победили всех своих врагов, от фараона до Амалика¹². «Сие положено преобразования токмо ради: ибо яко тамо Моисей силою вышняго своего свободи Израиля, аще zde тою же силою Ревность Российская свое Отечество».

Ливония и Ингерманландия названы «отчествами российскими», изображены «плачущиеся, яко неправедно от царства православна иноверием восхищены, лютым зверем, си есть львом, суть томимы, мерзость запустения в храмах Божиих поносят». Несчастные провинции молят об освобождении, его обещают им три Добродетели — Вера, Надежда, Любовь. На сцену выходит Фортуна и засекает золотую жатву, а Золотой Век ее орошает. Из семян для россиян растут оружие и оливковые ветви для венков славы. Автор пьесы проводил также исторические параллели между Петром I и Александром Македонским. Все заканчивается победой Петра: полки Хищения в панике бегут из некоего града (в котором, учитывая дату создания пьесы — 1705 г., легко угадывается Нарва, взятая в 1704 г.) а их избивает ангел, как некогда ассирийцев, затем ангел и появившаяся Смерть на коне бледном недобитые остатки вражеского войска загоняют прямо в Ад. Античные и римские образы часто использовались идеологами Петра и при других акциях, посвященных Северной войне¹³.

Даже в произведении, в котором, казалось бы, обязательно должна присутствовать апелляция к предшественникам, упоминание о завоеваниях Ивана IV в Прибалтике очень неотчетливо. В «Рассуждении о причинах Шведской войны» канцлера П.П. Шафирова Петр провозглашен наследником деяний отца, Алексея Михайловича, который, как известно, тоже воевал в Прибалтике и даже лично участвовал в осаде Риги. Эстляндия и Лифляндия объявлены древними русскими владениями (например, Ревель, якобы носящий настоящее название Яганесбург, будто бы назван по имени «древнего великого князя Иоанна»). Магистры и епископы изначально были данниками русских князей. Шафиров путает Ивана III и Ивана IV, и заявляет, что «особливо оные провинции были под владением короны Российской лета 1577 в царство царя Иоанна Васильевича, первого собирателя нареченного». Но затем рассказывает... о правлении Василия III и Ивана IV, «который за отступлением этих провинций многие войны отправлял». То есть Грозный изображен скорее правителем, который потерял прибалтийские земли. Основной акцент сделан на конфликтах со Швецией, в приложении Шафиров даже публикует русско-шведский договор 1564 г.¹⁴

Показательна здесь судьба «Истории», вышедшей из-под пера Ф. Поликарпова, который работал над ней по заданию Петра I.¹⁵ Как показано Е. Погосян, особый интерес Петра вызывала фигура вовсе не Ивана IV, а Василия III, которого государь считал первым российским императором, то есть факт, что Грозный был первым царем (= императором), Петром, по Е. Погосян, здесь «игнорировался». Однако Поликарпов не понял замысла царя, и начал повествование с правления Ивана Грозного. За что и поплатился: его история была отвергнута как «не очень угодная».

Во исполнение желаний Петра в первой четверти XVIII в. была составлена «История Российская, яснозрителное зеркало...». Изложение в ней сходно с Никоновской летописью, с частичными заимствованиями из «Истории о великом князе московском» Андрея Курбского. Рассказ о Ливонской войне озаглавлен: «О победе над ливонцы и о взятии Ругодева, Юрьева, Ракобора, Велиада и иных многих». Право России на Ливонию, по мнению автора «Истории...», вытекают из основания Юрьева Ярославом Мудрым, а выход «немцев» из-под власти России считается изменой, за которую, собственно, Иван Грозный и карает грешников своим походом. Рассказ сосредоточен на победах в Прибалтике в 1558-61 гг., упомянуто также о взятии Полоцка в 1563 г. В нем нет ни слова ни о стремлении к морю (чего можно было бы ожидать от идеологии петровского времени), ни о событиях после 1563 г.¹⁶

Известна также летопись Г. Скорнякова- Писарева (РГАДА, ф.181, д.358), которому в 1722 г. Петр велел сочинить книгу летописец, на л.948 об. –997 уделено внимание борьбе Грозного за Прибалтику.¹⁷ Однако перед нами неоригинальная компиляция из других летописных сводов.

В 1715 г. А.И. Манкеев, вдохновленный победами над шведами, по собственной инициативе написал сочинение, известное под названием: «Ядро российской истории» (оно увидело свет только в 1770 г.)¹⁸. III глава IV книги была посвящена эпохе Ивана Грозного. Автор упоминает о нападении России на орден, трактуя его причины как наказание за отказ платить дань. Рассказывается о боевых действиях первых лет войны, вмешательстве в конфликт Польши, Швеции и Дании, Люблинской унии 1569 г., походе Ивана IV в Прибалтику 1577 г., контрнаступлении Стефана Батория, взятии им Полоцка и Великих Лук. На этом описание заканчивается. В конце повествования Манкеев говорит, что пока царь Иван «Польскою и Лифлянской войною занят был», на Русь напали татары, которые и являлись тогда главным врагом¹⁹. Данное сочинение знаменательно тем, что Манкеев первым назвал войну «Польской и Лифлянской», хотя непонятно, как он определял ее хронологические рамки, относил ли он к данному определению все боевые действия в Прибалтике с 1558 г. или же у него под этот оборот попадали лишь последние описанные им события — поход 1577 г. и наступление Стефана Батория, освещенное лишь частично (нет осады Пскова). К тому же в силу поздней публикации на историографию XVIII в. единичное употребление этого термина в труде Манкеева никакого влияния оказать не могло.

Таким образом, надо признать, что топос завоеваний Ивана Грозного довольно слабо использовался петровскими идеологами для обоснования исторической необходимости борьбы

за Прибалтику. Для этого обращались к более древним и легендарным фигурам. Наиболее ярко это видно на примере развития «мифа об Александре Невском». Осматривая окрестности строящейся Северной столицы в 1710 г., Петр I назвал площадку в конце «Невской перспективы» «Виктори» и объявил ее местом, где Александр Невский в 1240 г. разгромил шведский отряд ярла Биргера. В действительности сражение произошло почти в двух десятках километрах юго-восточнее, возле устья р. Ижоры. Однако для Петра было принципиально важно, чтобы легендарный победитель шведов и один из главных русских святых одержал победу в точке, где заканчивалась главная улица новой русской столицы.

Поэтому царь велел основать тут монастырь во имя Пресвятой Троицы и Св. Александра Невского. Согласно поверьям, «Александров храм» был построен на том самом месте, где перед битвой воин Пелгусий видел во сне Святых Бориса и Глеба, которые сообщили, что спешат на помощь «своему сроднику» — новгородскому князю. Тем самым победе над пришельцами с запада придавалась Божественная легитимность.

Как показано Ф.Б. Шенком, обновленный культ русского князя, первым прорывавшегося к берегам Балтики, очень быстро получил институциональное оформление. После победы в Северной войне Св. Александр Невский объявлен покровителем Санкт-Петербурга и всей Российской империи. В 1723-24 гг. его мощи доставлены из Владимира в невскую столицу, а дата праздника в честь Святого перенесена с 23 ноября на 30 августа — именно в этот день был в 1721 г. подписан Ништадтский мир со Швецией. Специальным указом были запрещены изображения Александра в монашеской одежде, с 1724 г. его полагалось изображать только в княжеской мантии²⁰. Все это — от основания Александрово-Невской лавры на вымышленном месте битвы до эскалации почитания князя должно было продемонстрировать непрерывность исторической традиции борьбы России за выход к Балтийскому морю.

А.М. Панченко и Б.А. Успенский считают, что свою главную параллель с Иваном IV Петр видел в его стремлении к морю, в котором проявлялась и «западная ориентация» первого русского царя²¹. Для доказательства этого они ссылаются на запись в дневнике камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, что 27 января 1722 г., после Ништадтского мира и вскоре после принятия императорского титула, в празднование дня рождения цесаревны Анны Петровны была сооружена триумфальная арка. Над ней красовалась прославляющая Петра надпись: «Petro Magno, Patri Patriae, Totius Russiae Imperatori». С правой стороны было сделано в натуральную величину изображение Ивана Грозного в царской короне с надписью: «Incipit» («Начал»), а слева — Петра в императорской короне с надписью «Perficit» («Усовершенствовал»)²². Однако остается открытым вопрос, данная символика определяла Петра I как преемника Ивана Грозного в борьбе за выход к Балтийскому морю, или же здесь дело в титулах. Ведь Иван IV был первым русским царем (= цесарем, то есть императором), а Петр I — стал первым императором, то есть в данном случае Иван, действительно, «начал», а Петр «усовершенствовал». Впрочем, интерпретаций здесь может быть много. Известны и другие случаи сравнения фигур Петра и Ивана IV — например, в «Оде на взятие Хотина» М.В. Ломоносова (1739) император говорит Грозному:

Не тщетен подвиг твой и мой,
Чтоб Россов целый свет страшился²³

Однако здесь опять-таки неясно, речь идет об общем сравнении двух монархов-завоевателей или же имеется в виду именно наступление на Прибалтику.

В. Е. Возгрин указал на беседу между Петром I, датским послом П. Вестфаленом и Ф.Х. Вебером, изложенную во втором томе веберовской «Преображенной России». Она описана следующим образом: «На следующий день этот монарх встретил посланника датского короля фон Вестфалена, ныне покойного, в саду Ревельского дома, принадлежавшего тогда еще здравствовавшему бургомистру Лантингу, в то время как мы листали некую хронику, посвященную лифлянской истории. Ее величество взял ее в руки, взглянул на титул и промолвил: «Мне знакома эта книга. Царь Иван Васильевич, от которого идет род Федоровичей²⁴, к которому с материнской стороны принадлежу и я, изображен в ней из-за своего вторжения в Лифляндию чрезвычайно мерзкими красками, описан как государь,

который не чувствовал себя связанным ни верностью и верой, ни законом и порядком, но следовал единственно лишь своему свирепому образу правления. Его жестокость, проявленную в отношении неуправляемых и диких подданных, я столь же мало хочу отрицать, сколь и порицать, поскольку его намерения были благими, а дух возвеличился. Строгий правитель или конкверант²⁵ есть ни что иное, чем тиран, и мне тем легче вывести между ними различие: под именем этого последнего я и сам еще могу прославиться, но меня это не заботит, с меня хватит, если я достигну моей доброй конечной цели» (перевод В. Е. Возгрина)²⁶.

Как мы видим, Петр не поднял тему Ивана Грозного как его предшественника по завоеванию Прибалтики. Впрочем, к данному отрывку стоит относиться с большой настороженностью: слишком уж соответствует европейским дискурсам изображения России как варварской страны речь Петра о «диких подданных», которых можно обуздать лишь «свирепостью правления», и о симпатиях «тирана современного» – Петра I – к своему «предшественнику по тирании», Ивану Грозному.

Честно говоря, вызывает некоторое сомнение и знакомство Петра с «некоей ливонской хроникой», столь близкое, что при одном взгляде на обложку он узнал книгу и вспомнил ее содержание. При всем уважении к Петру I, вряд ли он бегло читал на латыни или немецком языке XVI века ливонские хроники. К тому же в собственно ливонских хрониках XVI века (Б. Рюссова, С. Геннинга, И. Реннера, Ф. Ниенштедта) образ Грозного не столь уж и негативен – он, несомненно, тиран и завоеватель, но это не тот агитационный образ «тирана Васильевича», который присутствовал на страницах немецких и польских «летучих листков» и немецких сочинений (например, произведений Г. Штадена, А. Шлихтинга). Возможно, под «хроникой» в данном случае имеется в виду так называемое «Послание» ливонцев Э. Таубе и Э. Крузе, где царь, действительно, изображен самыми черными красками. Но без более точных указаний нам остается только гадать, тем более все равно неясно, не вымышлен ли этот эпизод самим Ф. Х. Вебером.

Так или иначе, пока мы не располагаем несомненными свидетельствами, что Петр и его идеологи видели в Грозном исторического предшественника в завоевании Прибалтики.

¹ Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С.496; Погосян Е. Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С.48, 76. В своей статье в 2001 г. мы тоже придерживались такой точки зрения, теперь же стоит признать, что она была ошибочной: Ср.: Филлюшкин А.И. Дискурсы Ливонской войны // *Ab Imperio*: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. 2001. № 4. С. 43-80.

² Готье Ю.В. Балтийский вопрос в XIII – XVI веках // *Историк-марксист*. 1941. № 6. С.92.

³ Kirchner W. History of Russia. N.Y., 1955. P.44.

⁴ Чулков М. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой. СПб., 1781. Т.1. Кн.1. С.206-226.

⁵ См. очень интересный анализ этих мероприятий в работе: Погосян Е. Петр I — архитектор российской истории. С.23-182.

⁶ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч.1. С.70-71.

⁷ РГАДА, ф.64, оп.1, д.4, лл.2 об., 4, 6 об.

⁸ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч.1. С.180.

⁹ Цит. по: Погосян Е. Петр I — архитектор российской истории. С.48, 150.

¹⁰ Погосян Е. Петр I — архитектор российской истории. С.57, 66.

¹¹ Тихонравов Н. Русские драматические произведения 1672-1725 годов. СПб., 1874. Т.2. С.345-355.

¹² Топос победы Моисея над Амаликом с помощью прообразования Креста являлся одной из центральных тем русской политической идеологии периода средневековья, особенно при Иване Грозном, подробнее см.: Каравашкин А.В., Филлюшкин А.И. События и лица Священной истории в посланиях Ивана Грозного и Андрея Курбского: Опыт герменевтического комментария // *Русская религиозность: Проблемы изучения*. СПб., 2000. С.84-92.

¹³ Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С.74-75.

¹⁴ Шафиров П.П. Разсуждение, какие законные причины Его Царское Величество Петр Первый, Царь и Повелитель Всероссийский и прочая и прочая и прочая, к начатию войны против короля Карлуса 12 шведского 1700 году имел. СПб., 1716. С.2, 8, О Шафирове см.: Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч.1. С.138-141.

¹⁵ *Насонов А.Н.* История русского летописания... С.491-492; *Пешич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч.1. С.109-112; *Погосян Е.* Петр I — архитектор российской истории. С. 188-206; списки: РГАДА, ф.181, оп.1, д.849; БАН, 32.6.30.

¹⁶ История Российская, яснозрителное зеркало // ОР РГБ, ф.178, № 4698, л.83 об. – 89 об.

¹⁷ *Насонов А.Н.* История русского летописания... С.496-497.

¹⁸ *Пешич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч.1. С.103-108.

¹⁹ *Манкеев А.И.* Ядро российской истории. М., 1770. С.194-200. Ср. рукописный вариант: *Манкеев А.И.* Ядро Российской истории // ОР РГБ, ф.256, оп.1, № 270.

²⁰ *Шенк Ф.Б.* Политический миф и коллективная идентичность: Миф Александра Невского в российской истории (1263-1998) // *Ab Imperio.* 2001. № 1-2. С.152.

²¹ *Панченко А.М., Успенский Б.А.* Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха. Статья первая. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т.37. С.54.

²² *Берхгольц Ф.В.* Дневник камер-юнкера Ф.В. Берхгольца: 1721-1725. М., 1902. Ч.2. С.41.

²³ Цит. по: *Полосин И.И.* Споры об опричнине на польских сеймах XVI века (1569-1582) // *Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в.: Сборник статей. М., 1963. С.157.

²⁴ Ошибка Ф. Х. Вебера: сын Ивана Грозного, царь Федор Иванович (1584-1598), умер бездетным. У него была дочь Федосья, но она скончалась во младенчестве. Нарышкины – родственники Петра I по матери – никак не могли происходить из мифических «Федоровичей».

²⁵ Конкверант – от французского *conquerant* – «завоеватель». Комментарий В. Е. Возгина.

²⁶ Перевод сделан по изданию: [*Weber F. Ch.*] *Das Veränderten Russlandes Zweyter Theil? Worinnen die Folge derjenigen wichtigen Veränderungen, welche der Russische Kayser Petrus der Erste zur Aufnahme seines Reichs in allen Ständen vorgenommen, auch die seit Anno 1721 bis an seinen Tod vorgefallen Merckwürdigsten Begebenheiten, Nebst einer Gründlichen Nachricht seines in Persien vorgenommenen Feldzuges und aller dahin gehörigen Orientalischen geheimen Staats-Geschäfte, enthalten ist. mit Kupfern. Mit horer Obrigkeitlicher Erlaubniss aufgesetzt durch den Verfasser des Ersten Theils.* Hannover, 1739, S. 21-22. Благодарю В. Е. Возгина за указание этой цитаты.